

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 699-707
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.699

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Rural Judicial Charter for State Peasants as a Source of Volost Legal Proceedings in the last quarter of the 19th century (based on documents from the State Archives of the Arkhangelsk Region)

Mariya A. Sosnina ^{a, *}, Tatyana V. Vorotilina ^b, Svetlana A. Grimalskaya ^c, Ruslan M. Zhirov ^d

^a Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^d Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the legislative basis of legal regulation of volost justice with an emphasis on the Rural Judicial Statute for state peasants as a source of decision-making in volost courts after the abolition of serfdom in Russia. The content of the article is based on a comparative legal analysis of two interrelated reforms: the reform of the state (1837–1841) and the reform of the landlord village (1861), the continuity of which is shown through the protocols of volost courts in the Arkhangelsk province, where there was no private-feudal dependence of the peasant population. Based on the theoretical conclusions made in pre-revolutionary historiography, as well as the conclusions of modern researchers in the field of legal history, the authors of this article have made well-founded conclusions using the protocols of volost courts stored in the State Archive of the Arkhangelsk Region. These conclusions are based on the legal dualism of peasant law, where the choice of the legal norm applied by the court directly depended on the pre-reform legal status of the peasant and the administrative and judicial experience of the peasant community. The present study empirically refutes the thesis, well-established in historiography, about the weak demand for the law in the volost court. The earlier and long-term functioning of the system of estate self-government and judicial proceedings in the state village significantly influenced the legal awareness of this category of peasants, forming their attitude towards the use of legislative norms, the stable functioning of which was facilitated by volost judicial practice.

Keywords: Russian Empire, Russian North, state village, P.D. Kiselev's reform, peasant reform, Rural Judicial Statute for State Peasants, volost court, law and custom.

1. Введение

В социально-экономической структуре Российской империи государственная (казённая) деревня имела особый правовой статус. В традиционной историографии она преимущественно рассматривалась как объект административного регулирования и фискальной политики. Однако такой подход игнорирует юридическое и фактическое положение: крестьянский мир представлял собой сложную систему с внутренней самоорганизацией и регулирующей ролью обычая, обладающую значительным потенциалом для междисциплинарных исследований в области историко-правовой науки.

Проводимые в периоды модернизации реформы, инициированные верховной властью и реализуемые бюрократическими методами, зачастую не учитывали этот уникальный внутренний

* Corresponding author

E-mail addresses: SosninaAGTU@yandex.ru (M.A. Sosnina), vorotilina@mail.ru (T.V. Vorotilina), sgrimalskaya@fa.ru (S.A. Grimalskaya), dzhir-ruslan@mail.ru (R.M. Zhirov)

крестьянский мир. Это приводило к сложностям в системе коммуникации между государственным регулированием с помощью закона и традиционными общественными институтами в виде правового обычая. Ярким примером такого противоречия стала масштабная реформа управления государственными крестьянами, разработанная и проведённая под руководством графа П.Д. Киселёва в 1837–1841 годах. Её анализ позволяет выявить характерные противоречия между попыткой рационализации управления «сверху» и устойчивыми нормами общинной саморегуляции «снизу».

Инициатива по реформированию государственной деревни была обусловлена комплексом социально-экономических и правовых факторов, ключевыми среди которых выступали два взаимосвязанных обстоятельства. Во-первых, реформаторский курс был избран в силу его политической осуществимости: преобразования в государственной деревне, в отличие от помещичьей, не затрагивали имущественных и сословных интересов дворянства, что минимизировало риски сопротивления со стороны наиболее влиятельной социальной группы. Во-вторых, существовала объективная административно-хозяйственная необходимость, вызванная кризисным состоянием казённой деревни. К его системным проявлениям относились хронические недоимки по государственным податям, прогрессирующее малоземелье крестьянских хозяйств и отсутствие единой, эффективной системы управления обширным земельным фондом и зависимым населением. Данная ситуация требовала законодательного урегулирования и административной реорганизации в целях обеспечения фискальной устойчивости и социальной стабильности.

Масштаб задачи подчеркивается статистическими данными: по сведениям восьмой ревизии, государственные крестьяне составляли 36,12 % населения империи (свыше 9 млн.) (Кабузан, 1971: 59-168). Территория расселения последних охватывала различные регионы, такие как, Северное Приуралье, Архангельскую и Олонецкую губернии, Сибирь, а также территории Белоруссии и Прибалтики. С 1832 г., согласно Своду законов Российской империи, государственные крестьяне были отнесены к категории «свободных сельских обывателей» (Свод законов..., 1832: 121-123). Однако на практике их правовой статус оставался ограниченным: провозглашенные личные и имущественные права существенно регламентировались местной сельской администрацией.

Ключевым вектором реформы стала бюрократизация управления государственной деревней, основанная на принципах всеобъемлющего административного контроля и детальной регламентации. Основное правовое воздействие было направлено на системную реорганизацию институтов местного управления и крестьянского судопроизводства. Однако государственное регулирование распространилось значительно дальше, в сферу традиционного правового уклада и повседневных социальных практик.

2. Материалы и методы

Современным научным трендом являются междисциплинарные исследования, к числу которых следует отнести изучение государственного регулирования правоотношений различных социальных групп, проводимых на стыке таких социо-гуманитарных наук, как история, этнография и юриспруденция. Историко-правовая наука испытывает потребность в научных работах, направленных на исследование юридического быта населения разных регионов с целью укрепления национально-правовой самоидентичности. Важную роль в деле сохранения последней играют фонды региональных архивов, хранящие уникальные документы по поднимаемой проблеме. В настоящей статье в качестве эмпирической основы вводятся протоколы волостных судов двух архивных дел Долгощельского волостного правления под номерами 18 и 191 объёмом 637 листов, находящихся на постоянном хранении в Государственном архиве Архангельской области (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 191. 345 л.; Ф. 233. Оп. 1. Д. 18. 292 л.).

Высокая степень достоверности названных документов делает их значимыми источниками историко-правового исследования.

Методологической основой настоящей статьи стал формально-юридический метод, который позволил проанализировать Сельский судебный устав для государственных крестьян как основу решений волостных судов Архангельской губернии и привёл к выводу о дуализме крестьянского сословного права после крестьянской реформы 1861 г. Для учёта политических и социально-экономических факторов, влияющих на функционирование законодательных норм в реальных общественных отношениях, использовался конкретно-исторический метод, позволивший сделать результаты исследования репрезентативными.

Результатом использования метода критики исторических документов (в частности, правоприменительных актов волостных судов) стал вывод о том, что законодательная норма применялась в волостном суде в совокупности с другими социальными нормами, характерными для конкретного периода их функционирования, а также в соответствии с правосознанием и правовой культурой изучаемой социальной группы.

3. Обсуждение

Историография проблемы реформирования государственной деревни и сословной правосубъектности крестьян государственного сектора экономики Российской империи сравнительно

невелика и противоречива (Дунаева, 2010). Н.В. Дунаева в монографии дала исчерпывающую характеристику сословного статуса «свободных сельских обывателей», используя широкий круг нормативных правовых актов, регламентирующих изменения в управлении государственной деревней второй трети XIX в. Региональный аспект проблемы на документах Тамбовской губернии раскрывает в своей монографии Е. Ю. Иванова-Малофеева (Иванова-Малофеева, 2005). Результатам реформирования административно-судебных органов в казённой деревне посвящена монография советского историка Н. М. Дружинина «Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселёва» (Дружинин, 1946; Дружинин, 1958).

В отечественной дореволюционной литературе можно встретить негативные суждения о реформе государственной деревни П.Д. Киселёва (Зайцев, 1912), которую рассматривали исключительно как продукт полицейского государства с бюрократической системой управления и мелочной регламентацией жизнедеятельности государственных крестьян, не защищённых от административного произвола. С другой стороны, государственная казна после реформы казённой деревни заметно обогатилась за счёт сокращения в два раза недоимок (Богословский, 1907).

В современной историографии вопроса реформу П.Д. Киселёва называют одним из немногих удачных преобразований в сфере управления Российской империей (Иванова, 2011), поскольку последняя включала и создание вертикали управления в казённой деревне в сочетании с элементами местного самоуправления, и ряд попечительских мероприятий в отношении государственных крестьян. Однако И.А. Христофоров отмечает, что главной целью и одновременно средством реформы П.Д. Киселёва стали регламентация и контроль: «не только повинностей перед государством, но и условий хозяйствования, быта, даже нравственности» (Христофоров, 2011: 30-35).

Основные выводы, вытекающие из историографии проблемы, следующие. Идеологическая и политическая победа графа П. Д. Киселёва в полемике со сторонниками западных подходов (Е.Ф. Канкриним, В. П. Кочубеем, Н. С. Мордвиновым, М. М. Сперанским) знаменовала утверждение в правосознании российской бюрократии так называемой «общинно-государственной» парадигмы (Дунаева, 2010: 203) реформирования. Данная парадигма, ставшая на десятилетия доминирующей, базировалась на следующих ключевых принципах:

1. Сословная административно-судебная автономия крестьянской общины под строгим государственным контролем.
2. Приоритет общинных форм землепользования и землевладения над частнособственническими.
3. Патерналистско-попечительская роль государства по отношению к крестьянству как к особому, нуждающемуся в опеке сословию.

Таким образом, как справедливо отмечали историки (в частности, Н.М. Дружинин), реформа П.Д. Киселёва не только трансформировала положение государственных крестьян, но и оказала структурообразующее влияние на всю дальнейшую правительственную политику в отношении крестьянского сословия, предопределив контуры последующих преобразований (Дружинин, 1946: 561).

Настоящее исследование логически и содержательно продолжает цикл статей, посвящённых волостным судам Русского Севера в целом, и обычно-правовой основе их решений в частности (Sosnina et al., 2024a; Sosnina et al., 2024b; Sosnina et al., 2024c).

4. Результаты

Законодательной основой реформы государственной деревни стали три основных акта: «Об управлении государственными имуществами в губерниях» (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 13. № 11189), «Сельский полицейский устав» и «Сельский судебный устав для государственных крестьян» (Устав Сельский ..., 1880). Два последних устава стали впоследствии составными частями Устава о благоустройстве в казенных селениях (Свод законов..., 1857: 62-102).

Первый раздел Сельского судебного устава 1839 г. (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 14. №12166) определял общие принципы судоустройства для государственных крестьян, создавая автономную сословную судебную систему. Её структура была построена по иерархическому принципу, в котором первой инстанцией выступала сельская расправа. Апелляционные и кассационные функции в отношении её решений были сосредоточены в волостной расправе. Высшей судебной инстанцией в данной вертикали оставались общеимперские уездные и земские суды, что обеспечивало формальную интеграцию крестьянского судоустройства в общую судебную систему. Ключевым преимуществом созданных расправ, с точки зрения законодателя, были их простота, близость к населению и финансовая доступность. Для обеспечения оперативности исполнения решения приговоры сельских и волостных расправ подлежали немедленному исполнению через должностных лиц крестьянского самоуправления – сельских старост.

Устав также вводил ряд специфических процессуально-правовых норм, отражающих патерналистский и фискальный подход государства. К таковым относились:

1. Мера материальной ответственности за злоупотребление правом на обжалование: подача неосновательной жалобы влекла наложение пени в размере 50 копеек серебром.

2. Альтернативная санкция имущественного характера: несостоятельные ответчики, в случаях, предусмотренных уставом, могли быть приговорены к отработке долга в форме общественных работ, что свидетельствует о синтезе судебной и административной ответственности в рамках сословного правоприменения (Иванова-Малофеева, 2005: 54).

Вторая часть Сельского судебного устава закрепляла материально-правовые и процессуальные основания юрисдикции созданных сословных судов. Её ключевым элементом стала детальная классификация проступков и санкций, а также чёткое определение территориальной и субъектной подсудности.

Юрисдикция сельских и волостных расправ ограничивалась делами, возникающими исключительно на территории казённых земель и с участием государственных крестьян. Данный принцип сословно-территориальной обособленности исключался, если в правонарушении участвовали лица иных сословий (например, помещицы крестьяне), что автоматически переводило дело в компетенцию земского суда. Аналогично, дела о проступках, совершённых в городской черте, подлежали рассмотрению органами полиции.

Вводилось разграничение компетенции между инстанциями внутри крестьянской судебной системы:

– Сельской расправе, как суду первой инстанции, были подсудны наименее сложные казусы. К ним относились малозначительные гражданско-правовые споры, основанные на устных договорах (личного или имущественного найма, купли-продажи), то есть вытекающие из неформальных правоотношений;

– Волостная расправа обладала более широкой и сложной компетенцией. Помимо рассмотрения жалоб на решения нижестоящей инстанции, она была уполномочена разрешать дела о духовных завещаниях, заявленных при волостном правлении. Уникальной особенностью данной инстанции было прямое указание на возможность вынесения решений на основе местных обычаев, что формально легитимизировало его применение в рамках государственной судебной системы.

Таким образом, функциональная роль волостной расправы выходила за рамки простого пересмотра дел; она была институционализирована как орган административно-судебного контроля и попечительства над деятельностью сельских расправ, обеспечивая единство правоприменительной практики в государственной деревне.

Сельская и волостная расправы стали прототипом созданного в ходе крестьянской реформы 1861 г. волостного суда для вышедших из крепостной зависимости помещичьих крестьян. С преобразованием общественного управления государственных крестьян в 1866 г. (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 41. №42899) нормой о волостном суде были охвачены и казённые деревни, однако статьи Сельского судебного устава, регламентирующие перечень проступков и наказаний, продолжали использоваться в качестве основы решения волостных судов для бывших государственных крестьян, тогда как в отношении бывших помещичьих крестьян действовали нормы Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 г. (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 36. №36657), которое регламентировало в качестве источника волостного судопроизводства обычаи. С этого времени, как утверждал Н.С. Таганцев, Устав (имеется в виду Сельский судебный устав для государственных крестьян – прим. авторов) «получил совершенно второстепенное значение», поскольку «первенствующее место в судах крестьянских заняло обычное право» (Таганцев, 1887: 203-204). Аналогичная ситуация складывалась и у других народов (Plotskaya et al., 2025a), в том числе и у соседей Архангельской губернии, т.е. в Коми крае (Plotskaya et al., 2025b), о чем свидетельствуют исторические источники, хранящиеся в архивах.

Таким образом, после отмены крепостного права в России сохранился дуализм крестьянского сословного права, где различия в правовой основе волостного судопроизводства основывались на прежней ведомственной принадлежности крестьян.

Эту уникальную особенность функционирования волостных судов в Архангельской губернии, где основным населением были государственные крестьяне, авторы статьи демонстрируют протоколами волостных судов, находящихся на постоянном хранении в Государственном архиве Архангельской области. Хронологические рамки цитируемых документов, вводимых в научный оборот впервые, относятся к периоду с 1881 по 1894 гг., территориальные – к Долгощельскому волостному правлению Мезенского уезда Архангельской губернии.

В систему проступков, регламентированных Сельским судебным уставом (ст. 468) (Свод законов..., 1857: 62-102), входили:

Во-первых, проступки против церковного благочиния (нарушение порядка в церкви во время богослужения, нарушение порядка в общественном месте до окончания литургии в воскресный день).

Во-вторых, проступки против правительственного и общественного порядка (драки, нарушение санитарных правил о чистоте на улицах, неявка в суд, несправедливые просьбы начальству, самовольные отлучки, несанкционированные постройки, самовольное переселение, семейные разделы, неуважение родителей и начальства, отказ содержать родителей в старости и болезни и др.). В подобных случаях в суд обращались в основном выборные должностные лица села или волости.

Ст. 471 Устава за всякое нарушение правительственного и общественного порядка, тишины и спокойствия, равно как за всякое ослушание начальства, виновные должны быть подвергнуты наказанию по мере вины (*Свод законов..., 1857: 62-102*). Так, например, Долгощельский волостной старшина передал на обсуждение волостного суда заявление полицейского урядника 2 участка Яркова о том, что при проверке караулов и обходов не оказалось на месте караульщиков в ночь с 24 октября Алексея Яковлева Широкова, с 25 октября Тараса Яковлева Нечаева и вдовы Марфы Селивёрстовой, посему просить сказанные лица привлечь к ответственности. Суд постановил на основании ст. 443 Устава о благоустройстве в казённых селениях Нечаева из-под суда освободить, Алексея Яковлева Широкова на основании ст. 471 и 474 того же устава и ст. 102 Общего положения о крестьянах подвергнуть общественным работам на один день, а Марфу из-под суда освободить, приняв во внимание преклонность её возраста (*ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 191. Л. 277–281*).

Фонды Государственного архива Архангельской области содержат протоколы волостных судов по делам о семейных разделах в крестьянской среде, в исследуемый период проблеме, актуальной и неоднократно обсуждаемой в научном и общественном дискурсах (*Sosnina et al., 2024: 159-168*). Приведём один из многочисленных примеров семейного конфликта отцов и детей. 10 января 1893 г. волостной суд разбирает жалобу отца Андрея Буторина на сына своего Антона, который ночью ушёл из дома со своей женой, прихватив вещи. Ответчик показал, что отец его держал в доме только как за работника. Суд несколько раз пытался склонить стороны к примирению, но из-за непокорности сына таковое не состоялось. Суд на основании ст. 489 Сельского судебного устава о государственных крестьянах постановил: как непослушного родителям и тем более оскорбляющего их словами, наказать по воле родителей розгами не выходя, однако, из пределов, определённых для наказания в этом уставе, а их вещи вернуть (*ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 191. Л. 331*).

Волостной суд воспроизводит ст. 489 Устава близко к тексту и назначает телесное наказание, не указывая при этом его размер. Под стражу заключаются отделённые или неотделённые от родителей дети, оскорбившие родителей словами, а также дети, отказывающие родителям в «пище, одежде и вспоможении», особенно в старости и болезни (ст. 490 и 491 Устава) (*Свод законов..., 1857: 62-102*). Пример подобного дела решил Долгощельский волостной суд 2 марта 1894 г. по жалобе отца на сына по поводу отсутствия содержания на основании ст. 491 Устава о благоустройстве в казённых селениях и обязал сына содержать родителей (*ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 318. Л. 1–2*).

В-третьих, проступки против благочиния (пьянство, нецензурная брань, лень, растрата домашнего имущества и скота вследствие пьянства, развратный образ жизни, прошение милостыни и др.).

Анализ волостной судебной практики за указанный период показал, что чаще всего крестьяне обращались в волостной суд по поводу драк, оскорбления словом и действием. Так, например, 26 октября 1889 г. ветеринарный фельдшер Ушаков заявил волостному суду следующую жалобу: Я позволил самому себе зайти на вечеринку к крестьянину Степану Давыдову Нечаеву вместе с Долгощельским старшиной. На вечеринке не знаю почему крестьянские сыновья Трифон Егоров Широкий и Терентий Степанов Нечаев нанесли мне оскорбление словами и действием. Дело решено на основании 465 ст. Устава о благоустройстве в казённых селениях (*ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 191. Л. 217*).

Или, например, волостной суд рассмотрел дело об оскорблении крестьянской вдовы Увакиной, которую ответчик Селивёрстов назвал «блядью» и другими ругательными словами. На основании ст. 465 Устава о благоустройстве в казённых селениях и ст. 354 Устава о предупреждении и пресечении преступлений в просьбе Александре Ивановой Увакиной отказать, а Степана Иванова Селивёрстова из-под суда освободить, поскольку по словам свидетелей она сама первая начала ругаться бранными словами (*ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 191. Л. 147–150*). Волостной суд использует для решения ст. 465 Устава, которая регламентирует: Если за обиду словом, письмом или действием, обидчик сделает обидчику такую же обиду, то теряет право иска (*Свод законов..., 1857: 62-102*).

В-четвёртых, проступки против законов о личной безопасности (торговля некачественными продуктами, содержание в хозяйстве диких животных, причинение вреда третьим лицам дикими и домашними животными, несоблюдение скоростного режима в местах скопления людей, выход на тонкий лёд, оставление в опасности, оскорбление словом или действием, клевета и др.).

Так, ст. 519 Устава содержит состав дела о клевете: Кто злоумышленно станет обвинять другого в проступках и будет обличён во лжи, того присуждать к такому же наказанию, какому подлежит обвиняемый, если бы донос или показание оказались справедливыми (*Свод законов..., 1857: 62-102*). Пример дела о клевете в протоколе волостного суда: Селивёрстова не смогла доказать волостному суду, что Широкий захватил у неё деньги в размере 4 руб. Посему Селивёрстову подвергнуть на основании 519 ст. Сельского судебного устава и 102 ст. Общего положения о крестьянах аресту при волостном правлении с освобождением под наблюдение десятского (*ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 191. Л. 47, 48*).

В-пятых, проступки против законов о праве на имущество (нанесение вреда чужому имуществу, нарушение правил пожарной безопасности, игра в карты на деньги, обвес или обмер, кража или воровство, укрывательство краденого, несообщение о находке сельскому старосте, заражение скота и др.).

Кражи и мошенничество – самые распространённые правонарушения в крестьянской среде. Ст. 533 Устава (*Свод законов..., 1857: 62-102*) содержит оба состава проступков: Виновные в воровстве-краже и воровстве-мошенничестве, когда цена похищенного или присвоенного обманом не

превышает тридцати рублей и когда сие учинено в первый или во второй раз, без всяких увеличивающих вину обстоятельств, наказываются розгами; похищенное же имущество возвращается хозяину.

Волостной суд рассмотрел спор между братьями о краже 7 рублей. Василий Хорьговский просит взыскать с брата Семёна Хорьговского 7 рублей и наказать по закону. Ответчик на суде выявил согласие уплатить в пользу Василия 2 руб. Волостной суд постановил на основании ст. 102 Общего положения о крестьянах и ст. 533 Устава о благоустройстве в казённых селениях постановил взыскать с Семёна украденные им 7 руб., а за учинённый проступок в первый раз наказать розгами десятью ударами при волостном правлении (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 191. Л. 18-21).

Следующая статья 534 Устава (Свод законов..., 1857: 62 – 102) гласит: Кто, приняв имущество заведомо краденое, не объявит о нём сельскому старосте, тот подлежит наказанию, положенному за воровство. Приведём пример дела о продаже краденых вещей. На основании ст. 533 и 534 Устава о благоустройстве в казённых селениях ответчицу Матрёну Селивестрову подвергнуть взысканию 4 руб., а также Ивана Широкова, который знал о том, что в доме краденые вещи, штрафу 3 руб. 50 коп. (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 18. Л. 264–265).

Протоколов по делам о неосторожном обращении с огнём встретилось несколько, что свидетельствует о важности вопроса пожарной безопасности. Так, например, 19 декабря 1890 г. на обсуждение волостного суда волостной старшина принёс заявление полицейского урядника 4 участка Ежова о том, что у крестьянина Григория Селивестрова загорелся скотский двор от неосторожного обращения с огнём. Так как при осмотре места происшествия признаков вины не обнаружено, то на основании ст. 442 и 443 Устава о благоустройстве в казённых селениях Григория и его жену из-под суда освободить по недоказанности (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 191. Л. 288–290).

Для решения дела волостной суд использовал ст. 442 Устава (Свод законов..., 1857: 62–102), согласно которой никто не должен быть присуждён к наказанию без точных доказательств или явных улик в проступке. Принцип презумпции невиновности чётко прослеживается в ст. 443 закона: по тому общему правилу, что лучше освободить от наказания десять виновных, нежели приговорить к оному одного невиновного (Свод законов..., 1857: 62-102).

Интересное дело о клевете и угрозе одновременно встретилось авторам статьи на листах 67–71 Книги решений волостного и третейского суда. Волостной суд рассмотрел жалобу крестьянина Петра Фёдорова Широкова на крестьянскую девицу Дарью Иванову Широкою, которая наносит ему обиды в разных предметах: украла ящик с вещами из горницы, утащила с улицы от дома поставни (устар. постав – ткацкий стан), выломала с улицы стёкла в горнице, что могут подтвердить свидетели. Так как ни один из свидетелей не может подтвердить слова истца, на основании ст. 443 Устава о благоустройстве в казённых селениях девицу от суда освободить, а в том, что похвалялась поджечь дом Петра Широкова, это дело на основании ст. 536 (п. 2) того же Устава как не подвластное волостному суду передать на обсуждение общих судебных мест (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 191. Л. 67–71).

В главе «О разных родах наказаний за проступки» Сельского судебного устава для государственных крестьян (Свод законов..., 1857: 62-102) была установлена следующая система исправительных наказаний: арест и заключение под стражу с содержанием на хлебе и воде, штрафы (25 коп., 50 коп., 1 руб.), общественные работы, телесные наказания, удаление из общества. Все перечисленные наказания носят исправительный характер, что интерпретируется в историко-правовой литературе как свидетельство определенной тенденции к гуманизации карательной политики в отношении крестьян в дореформенной России. Преобладание в практике крестьянских судов наказания в виде общественных работ позволяет предположить, что целью наказания по Уставу являлась не столько наказание и исправление правонарушителя, сколько извлечение общественной пользы из самого факта осуждения.

Характерной особенностью санкций по Уставу была неопределенность их размера. Законодатель, за редким исключением, не устанавливал точных сроков ареста или объемов назначаемых общественных работ, предоставляя судье широкие возможности судебскому усмотрения, «по человеку смотря». Единственным формализованным смягчающим обстоятельством, прямо указанным в законе, выступало чистосердечное признание вины подсудимым (ст. 452 Устава) (Свод законов..., 1857: 62-102).

5. Заключение

Проведенный анализ судебной практики позволяет выявить ключевое последствие двух реформ: государственной деревни П.Д. Киселёва (1837–1841 гг.) и помещичьей деревни 1861 г. Более раннее существование суда у государственных крестьян и длительный опыт судопроизводства на основе Сельского судебного устава для государственных крестьян привели к устойчивой судебной традиции использования данного закона в решениях вновь созданного в 1861 г. волостного суда. Таким образом, в правовой системе государственной деревни сформировался сложный синтез нормативных актов, уходящих корнями в обе реформы.

Настоящее исследование эмпирически опровергает устоявшийся в историографии тезис о слабой востребованности закона в волостном суде. Более раннее и длительное функционирование

системы сословного самоуправления и судопроизводства в государственной деревне существенно повлияло на правосознание данной категории крестьян, сформировав у них установку на использование законодательных норм при разрешении споров в волостных судах после 1861 г. Данный факт также свидетельствует о глубоком правовом дуализме крестьянского права, когда выбор применяемой судом нормы напрямую зависел от предреформенного правового статуса и административно-судебного опыта крестьянской общины.

Анализ преемственности между Киселёвской реформой государственной деревни и последующими крестьянскими преобразованиями, включая реформу 1861 года, позволяет выявить их общую консервативно-охранительную направленность. Эта направленность стала системным следствием отказа правящей элиты от радикальных либеральных моделей модернизации аграрного сектора.

Литература

[Богословский, 1907](#) – *Богословский М.М.* История России в XIX веке. Дореформенная Россия (1800–1840): Сборник. СПб.: А. и И. Гранат, 1907. Т. 1. С. 250–259.

[ГААО](#) – Государственный архив Архангельской области.

[Дружинин, 1946](#) – *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселёва. М.; Ленинград, 1946–1958 (Москва). 2 т.; Т. 1: Предпосылки и сущность реформы. 1946. 635 с.

[Дружинин, 1958](#) – *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселёва. Реализация и последствия реформы / 2 т.; 26 см. М.; Ленинград: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. Наук СССР, 1946–1958 (Москва), 1958. 615 с.

[Дунаева, 2010](#) – *Дунаева Н.В.* Между сословной и гражданской свободой: эволюция правосубъектности свободных сельских обывателей Российской империи в XIX в. СПб., 2010. 471 с.

[Зайцев, 1912](#) – *Зайцев К.И.* Очерки истории самоуправления государственных крестьян / Труды студентов экономического отделения Санкт-Петербургского Политехнического института. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого, 1912. 204 с.

[Иванова, 2011](#) – *Иванова Е.Ю.* Из опыта законодательного оформления управленческой реформы (на примере реформы государственной деревни 1837 – 1841 гг.) // *Вестник ТГУ.* 2011. Вып. 12(104). С. 792–804.

[Иванова-Малофеева, 2005](#) – *Иванова-Малофеева Е.Ю.* Реформа государственной деревни в Тамбовской губернии (середина 30-х – середина 50-х гг. XIX в.). Монография. Тамбов, 2005. 196 с.

[Кабузан, 1971](#) – *Кабузан В.М.* Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в.: (по материалам ревизий). М., 1971. 190 с.

[ПСЗРИ](#) – Полное собрание законов Российской империи.

[Свод законов..., 1857](#) – Свод законов Российской империи. Издание 1857 г. Т.12. Часть вторая. СПб.: В Типографии Второго Отделения Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. 591 с.

[Свод законов..., 1832](#) – Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 9: Свод законов о состоянии людей в государстве. С.-Пб., 1832. 572 с.

[Таганцев, 1887](#) – *Таганцев Н.С.* Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. 1. СПб., 1887. 815 с.

[Устав Сельский..., 1880](#) – Устав Сельский Судебный / Руководство для крестьян: Сборник действующих узаконений, касающихся общественного их управления и обязанностей сельских и волостных должностных лиц и нижних чинов уездной полиции. Москва: Тип. М.Н. Лаврова и К., 1880. С. 156–176.

[Христофоров, 2011](#) – *Христофоров И.А.* Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М.: Собрание, 2011. 368 с.

[Plotskaya et al., 2025a](#) – *Plotskaya O.A., Melentev A.V., Ospanova D.A., Zhiron R.M.* Legal Custom in the Activities of Volost Courts of the Moscow Province when Considering Land Disputes in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody.* 2025. 20(3): 1428–1437.

[Plotskaya et al., 2025b](#) – *Plotskaya O.A., Botoeva Ch. K., Grudin N.S., Shiryov D.A.* The Community as a Subject of Customary Law among the Perm Peoples in the 18th–19th centuries // *Bylye Gody.* 2025. 20(2): 632–640.

[Sosnina et al., 2024a](#) – *Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Nikolaeva J.V., Lavrishcheva O.A.* Legal Regulation of Peasant Family Divisions in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody.* 2024. 19(1): 159–168.

[Sosnina et al., 2024b](#) – *Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Besedkina N.I., Avanesova A.A.* Customary Regulation of Obligations from Contracts among the Peasants of the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody.* 2024. 19(3): 1318–1326.

[Sosnina et al., 2024c](#) – *Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Besedkina N.I., Avanesova A.A.* The Customary Legal Status of Adopted Sons-In-Law in a Peasant Family in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody.* 2024. 19(4): 1759–1765.

References

- Bogoslovskii, 1907** – *Bogoslovskii, M.M.* (1907). *Istoriya Rossii v XIX veke. Doreformennaya Rossiya (1800-1840)* [History of Russia in the 19th century. Pre-reform Russia (1800-1840)]: Sbornik. SPb: A. i I. Granat. T. 1. Pp. 250-259. [in Russian]
- Druzhinin, 1946** – *Druzhinin, N.M.* (1946). *Gosudarstvennye krest'yane i reforma P. D. Kiseleva*. [State Peasants and P. D. Kiselev's Reform]. M.; Leningrad, 1946–1958 (Moskva). 2 t.; T. 1: *Predposylki i sushchnost' reformy*. 635 p. [in Russian]
- Druzhinin, 1958** – *Druzhinin, N.M.* (1958). *Gosudarstvennye krest'yane i reforma P. D. Kiseleva. Realizatsiya i posledstviya reformy* [State Peasants and the Reform of P. D. Kiselev. Implementation and Consequences of the Reform]. 2 t.; 26 sm. M.; Leningrad: Izd-vo i 2-ya tip. Izd-va Akad. Nauk SSSR, 1946–1958 (Moskva). 615 p. [in Russian]
- Dunaeva, 2010** – *Dunaeva, N.V.* (2010). *Mezhdru soslovnoi i grazhdanskoj svobodoi: evolyutsiya pravosub"ektnosti svobodnykh sel'skikh obyvatelei Rossijskoj imperii v XIX v.* [Between class and civil freedom: the evolution of the legal personality of free rural inhabitants in the Russian Empire in the 19th century]. SPb. 471 p. [in Russian]
- GAAO** – Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti [The State Archive of the Arkhangelsk region].
- Ivanova, 2011** – *Ivanova, E.Yu.* (2011). *Iz opyta zakonodatel'nogo oformleniya upravlencheskoj reformy (na primere reformy gosudarstvennoi derevni 1837 – 1841 gg.)* [From the experience of legislative implementation of administrative reform (based on the reform of the state village in 1837–1841)]. *Vestnik TGU*. 12(104): 792-804. [in Russian]
- Ivanova-Malofeeva, 2005** – *Ivanova-Malofeeva, E.Yu.* (2005). *Reforma gosudarstvennoi derevni v Tambovskoj gubernii (seredina 30-kh – seredina 50-kh gg. XIX v.)* [Reform of the state village in the Tambov province (mid-1830s – mid-1850s)]. Monografiya. Tambov. 196 p. [in Russian]
- Kabuzan, 1971** – *Kabuzan, V.M.* (1971). *Izmeneniya v razmeshchenii naseleniya Rossii v XVIII – pervoi polovine XIX v.: (po materialam revizii)* [Changes in the population distribution in Russia in the 18th and first half of the 19th century: (based on census data)]. M. 190 p. [in Russian]
- Khristoforov, 2011** – *Khristoforov, I.A.* (2011). *Sud'ba reformy: Russkoe krest'yanstvo v pravitel'stvennoj politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830-1890-e gg.)* [The fate of the reform: the Russian peasantry in government policy before and after the abolition of serfdom (1830-1890s)]. M.: Sobranie. 368 p. [in Russian]
- Plotskaya et al., 2025b** – *Plotskaya, O.A., Botoeva, Ch. K., Grudin, N.S., Shiryov, D.A.* (2025). *The Community as a Subject of Customary Law among the Perm Peoples in the 18th–19th centuries*. *Bylye Gody*. 20(2): 632-640.
- Plotskaya et al., 2025a** – *Plotskaya, O.A., Melentev, A.V., Ospanova, D.A., Zhiron, R.M.* (2025). *Legal Custom in the Activities of Volost Courts of the Moscow Province when Considering Land Disputes in the second half of the XIX – early XX centuries*. *Bylye Gody*. 20(3): 1428-1437.
- PSZRI** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire].
- Sosnina et al., 2024a** – *Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Nikolaeva, J.V., Lavrishcheva, O.A.* (2024). *Legal Regulation of Peasant Family Divisions in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries*. *Bylye Gody*. 19(1): 159-168.
- Sosnina et al., 2024b** – *Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Besedkina, N.I., Avanesova, A.A.* (2024). *Customary Regulation of Obligations from Contracts among the Peasants of the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries*. *Bylye Gody*. 19(3): 1318-1326.
- Sosnina et al., 2024c** – *Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Besedkina, N.I., Avanesova, A.A.* (2024). *The Customary Legal Status of Adopted Sons-In-Law in a Peasant Family in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries*. *Bylye Gody*. 19(4): 1759-1765.
- Svod zakonov..., 1832** – *Svod zakonov Rossijskoj imperii, povelieniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyy* [Code of Laws of the Russian Empire, compiled by order of His Majesty Emperor Nicholas Pavlovich]. T. 9: *Svod zakonov o sostoyanii lyudei v gosudarstve*. S.-Pb., 1832. 572 p. [in Russian]
- Svod zakonov..., 1857** – *Svod zakonov Rossijskoj imperii* [The code of laws of the Russian Empire]. Izdanie 1857 g. T. 12. *Chast' vtoraya*. S.-Pb.: V Tipografii Vtorogo Otdeleniya Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1857. 591 p. [in Russian]
- Tagantsev, 1887** – *Tagantsev, N.S.* (1887). *Lektsii po russkomu ugolovnomu pravu* [Lectures on Russian criminal law]. *Chast' obshchaya*. Vyp. 1. S.-Pb. 815 p. [in Russian]
- Ustav Sel'skii..., 1880** – *Ustav Sel'skii Sudebnyi* [Rural Judicial Charter]. *Rukovodstvo dlya krest'yan: Sbornik deistvuyushchikh uzakonenii, kasayushchikhsya obshchestvennogo ikh upravleniya i obyazannostei sel'skikh i volostnykh dolzhnostnykh lits i nizhnikh chinov uездnoi politzii*. Moskva: Tip. M.N. Lavrova i K., 1880. Pp. 156-176. [in Russian]
- Zaitsev, 1912** – *Zaitsev, K.I.* (1912). *Ocherki istorii samoupravleniya gosudarstvennykh krest'yan* [Essays on the history of self-government of state peasants]. *Trudy studentov ekonomicheskogo otdeleniya Sankt-Peterburgskogo Politekhnikeskogo instituta*. SPb.: Sankt-Peterburgskii politekhnikeskii institut imperatora Petra Velikogo. 204 p. [in Russian]

Сельский судебный устав для государственных крестьян как источник волостного судопроизводства последней четверти XIX в. (на примере документов Государственного архива Архангельской области)

Мария Александровна Соснина ^{a, *}, Татьяна Викторовна Воротилина ^b,
Светлана Александровна Гримальская ^c, Руслан Михайлович Жиров ^d

^a Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Российская Федерация

^b Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^d Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская республика, Нальчик, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются законодательные основы правового регулирования волостной юстиции с акцентом на Сельский судебный устав для государственных крестьян как источник принятия решений в волостных судах после отмены крепостного права в России. Содержание статьи основано на сравнительно-правовом анализе двух взаимосвязанных между собой реформ: реформы государственной (1837–1841 гг.) и помещичьей деревни (1861 г.), преемственность которых показана через протоколы волостных судов Архангельской губернии, где отсутствовала частно-феодалная зависимость крестьянского населения. Опираясь на теоретические выводы, сделанные в дореволюционной историографии, а также заключения современных исследователей в области истории права, авторами настоящей статьи сделаны обоснованные выводы с применением протоколов волостных судов, хранящихся в Государственном архиве Архангельской области, о правовом дуализме крестьянского права, когда выбор применяемой судом нормы напрямую зависел от предреформенного правового статуса крестьянина и административно-судебного опыта крестьянской общины. Настоящее исследование эмпирически опровергает устоявшийся в историографии тезис о слабой востребованности закона в волостном суде. Более раннее и длительное функционирование системы сословного самоуправления и судопроизводства в государственной деревне существенно повлияло на правосознание данной категории крестьян, сформировав у них установку на использование законодательных норм, к стабильному функционированию которых способствовала волостная судебная практика.

Ключевые слова: Российская империя, Русский Север, государственная деревня, реформа П.Д. Киселёва, крестьянская реформа, Сельский судебный устав для государственных крестьян, волостной суд, закон, обычай.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: SosninaAGTU@yandex.ru (М.А. Соснина),
vorotilina@mail.ru (Т.В. Воротилина), sgrimalskaya@fa.ru (С.А. Гримальская),
dzhir-ruslan@mail.ru (Р.М. Жиров)